

© 2003 г.

В. Н. ПЕТРОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ И ПОЛИЭТНИЧНАЯ ПРИНИМАЮЩАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

ПЕТРОВ Владимир Николаевич - кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного университета.

Современное полиэтничное российское общество переживает период глубинной всесторонней трансформации, находящейся под влиянием различных социальных факторов. Один из важных среди них - усилившиеся в последние годы миграции населения, в том числе *этнические*. Они характеризуются в литературе как "совокупность миграционных потоков, в каждом из

которых численно преобладают лица с общей этнической самоидентификацией, отчуждающиеся от отпускающего общества и отчуждаемые им, ощущающие угрозу своей этнокультурной безопасности и вынужденные перемещаться из одного государства в другое, чтобы избежать этой угрозы" [1].

Что приносят с собой полиэтнические по своему составу миграционные потоки в ту среду, куда они прибывают? Какие отношения устанавливаются между этническими мигрантами и населением? Ответы на эти вопросы можно получить, в частности, проанализировав социально-этнические процессы в таком достаточно типичном многонациональном регионе, как *Краснодарский край РФ*. В настоящее время здесь проживают представители 126 этносов. 85,9% из более чем пятимиллионного населения составляют русские. Заметное место в этническом составе занимают армяне - 5%, украинцы - 4%, а также адыгейцы, греки, грузины, турки-месхетинцы, молдаване, евреи и др. Величина коэффициента этнической мозаичности региона достигает 0,252 (в приморских районах и городах она еще больше), в то время как в областях Центральной России - 0,003 [2].

90-е годы XX столетия ознаменованы интенсивным движением в край новых миграционных потоков, очень полиэтничных по своему характеру. Только в 1996-1999 годы, по данным Краснодарского краевого комитета государственной статистики, на Кубань прибыло 302407 зарегистрированных мигрантов. Миграционный прирост составил 136996 человек. Основная масса мигрантов (68,5%) перемещалась в Краснодарский край из регионов России, среди которых весомая доля принадлежит Северо-Кавказскому, Дальневосточному и Западно-Сибирскому. Из стран СНГ заметными "поставщиками" мигрантов были Украина, Казахстан. Грузия (включая Абхазию) (3). В составе прибывших 80,7% - русские, 5,9% - армяне, 5,8% - украинцы, остальные этносы - менее 1% каждый.

Под влиянием интенсивной полиэтничной миграции за истекшее десятилетие в социальной общности Краснодарского региона произошли существенные изменения. Основную часть населения, как и прежде, составляют русские - 4314783 чел. Рост их численности (на 7,7%) происходил исключительно за счет миграционного притока. Наиболее существенный прирост произошел в этнических группах турок-месхетинцев (с 2119 чел. в 1989 г. до 15-16 тыс. чел. в 2001 г.) и курдов (с 2262 чел. в 1989 г. до 10 тыс. чел. в 2001 г.). Численность других этносов и групп в 2001 г. распределяется следующим образом: этническая группа армян составляла 241964 чел. (рост на 40,9%); украинцев - 198570 чел. (рост на 9%); белорусов - 38971 чел. (увеличение на 12,4%); адыгейцев - 19548 чел. (уменьшение на 6%); грузин - 17595 чел. (рост на 43,6%); немцев - 16359 чел. (уменьшение на 45,4%); татар - 14240 чел. (уменьшение на 2,1%); азербайджанцев - 13228 чел. (рост на 27,9%); евреев - 3098 чел. (уменьшение на 37,2%); группа молдаван увеличилась на 16,9% [4].

Итак, за последнее десятилетие в социальной общности Краснодарского края резко возросла доля мигрантов в составе населения, изменились пропорции в этническом составе. Особенно тревожно, что возникли и имеют тенденцию к обострению проблемы взаимодействия мигрантов и местного населения, зачастую приобретающие характер межэтнической напряженности и конфликтов. Специфичность ситуации межэтнического взаимодействия в регионе придают возникшие в это же время и отчасти удовлетворенные притязания определенной части местного населения, причисляющего себя к казакам, на особый этнический и правовой статус. Распространение ксенофобии и мигрантофобии, всплески интолерантности и агрессивности по отношению к мигрантам вообще и иноэтничным особенно, настойчиво требуют поиска научно-практических решений по предотвращению конфликтов, стабилизации межэтнических отношений.

Целью данной статьи является рассмотрение характера отношений толерантности - интолерантности, возникающих в ситуациях контактов и социального взаимодействия этнических мигрантов и полиэтничной принимающей среды в Краснодарском крае. Статья базируется на исследовании, в котором был использован комплекс апробированных методик: методика исследования диспозиционной структуры личности В.А. Ядова [5], тесты Г.У. Солдатовой [6]. З.В. Сикевиц [7], тест "ценностные ориентации" М. Рокича [8], методика измерения шкалы социальной дистанции Богардуса (вариант Л. Г. Почебут) [9], а также авторские разработки. При моделировании выборки учитывались особенности социальной структуры и этнического состава региона. Исходя из статистических данных о населении Краснодарского края, выделены две его группы: 1) местные, то есть живущие здесь постоянно более 10 лет; и 2) прибывшие мигранты. Соотношение численности этих групп 8 : 2. Для данного исследования важно было более детально изучить группу мигрантов в их взаимодействии с местным населением. Поэтому подмассивы выборки по признакам "местные" - "мигранты" формировались по принципу 50 : 50. Про-

ведена группировка респондентов по этническому признаку. В одну группу включены представители славянских и европеоидных этносов (русские, украинцы, белорусы, немцы, греки и др.), во вторую - представители народов Кавказа и Средней Азии (адыги, армяне, грузины и др.). Как и всякая другая группировка это деление на "европейцев" и "кавказцев" носит условный характер, производится в целях этносоциологического исследования. В составах местного населения и мигрантов соотношение этих условных групп 8,5 : 1,5. Общий объем выборки составил 436 чел. Подмассивы выборки: "местные" - 219 чел., "мигранты" - 217 чел. Распределение по подгруппам: славяне и представители других европейских народов: местные - 181, мигранты - 154; представители народов Кавказа и Средней Азии: местные - 36, мигранты - 65. Параметры выборки в основном совпадают с заданными и носят репрезентативный характер. Исследование проведено в июле - августе 2002 г.

В центр изучения были поставлены проблемы социального взаимодействия и толерантных (интолерантных) отношений этнических мигрантов и принимающей среды - местного населения. *Толерантность* (лат. *toleranta* - терпение) - терпимость к чужим взглядам, мнениям, традициям, иной культуре. Это качество особенно важно для переселенцев - тех, кто по разным обстоятельствам оторвался от "своих" и вынужден осваиваться в новой социокультурной среде. Естественно, проблема толерантности встает и перед "средой" - местными жителями, которые - хотя бы они того или нет - должны устанавливать и развивать контакты с мигрантами.

Толерантность может быть разной. В обстановке, когда крайне опасно открыто выражать интолерантное отношение без негативных последствий для себя, толерантность может формироваться по типу смирения, покорности обстоятельствам. Такого рода толерантность предполагает тупое, бессмысленное соглашательство или насилие над собой, а интолерантность существует в виде латентного напряжения, глухого недовольства от неизбежности признания того, что на самом деле отвергается в душе, или же бурных аффектов неприятия в межличностных и межгрупповых отношениях. Существующая в подобном виде толерантность имеет пассивный или даже негативный характер. Задача же заключается в том, чтобы превратить ее потенциал и возможности в мощный ресурс активного, осмысленного, рационального отношения к действительности, несущего в себе продуктивное начало, конструктивные социальные цели.

Следует отметить, что теоретически разработанной и хорошо инструментализированной базой исследования проблемы толерантности обладает современная психологическая наука. Так, Г.В. Олпорт связывал толерантность-интолерантность с процессом формирования "общей ориентации", рассматривал ее как собственную "схематическую ориентацию" [10]. В ряде научных подходов понятие толерантности соотносится с установкой [11]. По мнению психологов Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, О.Д. Шаровой, толерантная личность - это "человек, хорошо знающий себя и признающий других. Проявления сочувствия, сострадания - важнейшая ценность толерантного общества и черта толерантного человека" [12]. Психологическое понимание толерантности касается в основном ее индивидуальных проявлений, т.е. как личностного свойства. С одной стороны, это константное и чуть ли не врожденное, по крайней мере, обусловленное жесткими психологическими конструктами свойство. С другой, - возможно, поддающееся психологической коррекции посредством изменения установок. Отсюда практика тренинга толерантности, увеличивающего ее "массу" у отдельной личности.

Рассматривая толерантность как характерную черту отношений между этническими мигрантами и средой в местах их нового жительства, мы имеем в виду *социологическую* трактовку данного понятия. В социологии возможность рассматривать толерантность - интолерантность как социальный феномен связывается с методологическими основаниями теории социального действия. Социологическое исследование толерантности обнаруживает взаимосвязь этого феномена с условиями ситуации (объективная реальность) и субъективными факторами (субъективная реальность), а также его атрибутивную принадлежность всем компонентам системы социального действия, включающего такие подсистемы, как личность (деятель, актор), ситуация действия, сами акты социального действия и взаимодействия. Понимание толерантности в контексте теории социального действия опирается на представление о том, что это свойство принадлежит всем элементам его структуры: потребностям, интересам, находит свое воплощение в идеях (как проекте движения к удовлетворению потребностей), мотивах (т.е. потребностях, содержательно обогащенных смыслом) и целях.

Наиболее явными характеристиками личности, в которых проявляется исследуемое свойство толерантности, можно считать идентичность и стереотипы. Ситуацию социального действия образуют компоненты культуры и, прежде всего, ее ценностно-нормативные основания. Толерантность - интолерантность непосредственно проявляется в социальном действии и ответных реакциях, поскольку атрибутивно принадлежит системе потребностей, интересов, мотивов, ус-

тановок, целей. При этом интолерантность - такое же естественное и нормативное проявление поведенческих реакций в определенной ситуации, как и толерантность.

Потребности обуславливают действия, нацеленные на сотрудничество или противодействие. В первом случае они по своему качеству толерантны к другим, во втором - интолерантны. В первом случае они опираются на предположения о возможности, желанности и полезности других, превращении их из просто других в актуальных других, а затем и в значимых других. Во втором - они ведут к отвержению. Ключевым моментом в социологической интерпретации толерантности выступает приемлемость, принятие или наоборот неприемлемость, неприятие партнерами по социальному взаимодействию друг друга как личностей с индивидуальными, но социально значимыми комплексами социально-психологических и социальных свойств.

Рассматривая толерантность-интолерантность не как константное свойство личности, что характерно для психологов, а как динамическую характеристику всей системы социального действия, мы неизбежно подходим к выводу о том, что возможные изменения в этой области не ограничиваются изменением индивидуальных поведенческих характеристик в результате тренинга. Они носят более широкий, долговременный и функциональный характер и связаны с социокультурными и институциональными изменениями. Это также возможные изменения на уровне ментальных состояний этноса. Коррекционные действия (практика корректирования ситуации) в этом случае перемещаются с уровня индивидуальной личности и взаимодействия в микрогруппах (тренинг толерантности) на уровень межгруппового взаимодействия и макросреды и сосредотачиваются на установлении баланса толерантности и интолерантности во взаимоотношениях, социальных институтах, социальных общностях и группах. Таким образом социологический и психологический подходы дополняют друг друга, выполняя различные инструментальные функции на различных уровнях социальной организации общества.

Следует подчеркнуть, что и в *межэтнических отношениях интолерантность так же возможна, правомерна и ожидаема, как и толерантность*. Безусловно, при этом речь идет о цивилизованных, ненасильственных, неагрессивных формах и способах проявления и демонстрации интолерантности (несогласия, нетерпимости, неприятия), как, впрочем, сдержанности и в проявлении толерантности, не превращающейся в рабское преклонение и подчинение.

Изучение характера установок, определяющих толерантные - интолерантные отношения респондентов к представителям другой национальности, строилось на измерении степени согласия с такими признаками, как "мое представление о людях этой национальности", "личный опыт общения с представителями этой национальности", "собственные мотивы, интересы", "целесообразность общения", "распространенные схемы поведения, которыми пользуется большинство людей моей культуры, национальной группы", "опыт других людей", "мои ценности", "поведение того человека, с которым я контактирую", "общественные нормы".

Отвечающие на вопрос "Что в наибольшей степени определяет то, как Вы будете вести себя по отношению к человеку другой национальности?" - указывали, прежде всего, на такой ситуационный фактор, как "поведение того человека, с которым я контактирую". Таким образом, в социальном контакте реализуется схема социального действия, построенная на "ожидании - ожидании - ожидании". Для почти 80% опрошенных данная установка на восприятие человека другой национальности является определяющей. Гораздо в меньшей степени выражалось значение общественных норм. При этом ориентация на следование им в большей степени присуща "местным", нежели мигрантам. Так, общественные нормы являются определяющими при выборе стратегии и тактики поведения по отношению к иноэтничному партнеру у 41,0% местных из подгруппы "славяне и представители других европейских народов" и 29,3% мигрантов этой подгруппы. Для представителей народов Кавказа и Средней Азии значения этого показателя составляют 30,6% у местных и 27,9% у мигрантов. Этнические стереотипы, существующие в виде личностных установок ("мое представление о людях этой национальности"), или социально-групповых установок ("распространенные схемы поведения"), а также установок, почерпнутых из опыта других людей, явно уступают по своей предпочтительности значению реализации собственных ценностей, мотивов и интересов. Другими словами, прагматизм в отношениях неизбежно берет верх над возможными эмоциональными реакциями и аффективными установками.

Следующий комплекс факторов, способствующих сближению или разделению в процессе межэтнических контактов, отражался в определяемой респондентами степени влияния на идентичность со своей национальной группы и контриденличность по отношению к другим национальным группам. Речь идет о таких признаках, как "мои родители и предки", "привычки, воспитание", "статус, престиж народа", "ценности, традиции, обычаи", "доброжелательность, отсутствие конфликтов", "схожие проблемы и перенесенные несправедливости", "религия", "язык", "различия в территориях, где мы проживаем". Фактором, обладающим ярко выражен-

ной *интегративной* силой, респонденты признают родовое происхождение. Для 80% опрошенных именно "родители и предки" сближают сильнее всего с представителями собственной национальной группы. Значительное интегративное воздействие, особенно на представителей группы "европейцев", по мнению респондентов, оказывает национальный язык. Весьма примечательно, что в большей мере склонны акцентировать его значение респонденты в группах мигрантов. Признают, что национальный язык сближает "сильнее всего", 70,5% опрошенных мигрантов - представителей славянских этносов и других европейских народов (у местных этот показатель равен 67,4%) и 64,0% мигрантов - представителей народов Кавказа и Средней Азии (среди местных "кавказцев" этот показатель равен 55,6%). Далее по значимости располагаются "общие ценности, традиции и обычаи", которые сближают "сильнее всего" 50,6% опрошенных местных "европейцев" и 61,0% местных "кавказцев". У мигрантов интеграционная весомость ценностей, традиций и обычаев более важна для "кавказцев" - 70,3% опрошенных (у "европейцев" - 53,1%).

Интерес представляют данные об интегрирующем значении и других факторов. Например, на роль территории указали 49,2% местных "европейцев" и 42,6% - мигрантов. А вот у представителей народов Кавказа и Средней Азии эти показатели составили соответственно: 25,0% и 29,7%. Мигранты-"кавказцы" склонны придавать существенное объединяющее значение религии (50,8% опрошенных в этой подгруппе), "сходным проблемам" и "перенесенным трудностям" (44,4%). Для сравнения: у местных (и "европейцев", и "кавказцев") эти показатели составляют 21,0% и 23,1% соответственно. Наименьшая интегративная роль, по мнению опрошенных, принадлежит этническому статусу. Его значение склонны признавать лишь 18,2% местных "европейцев" и 14,4% "европейцев"-мигрантов. У представителей народов Кавказа и Средней Азии эти показатели таковы: 5,6% - местные, 19,0% - мигранты.

Что касается восприятия рассматриваемых факторов как *разделяющих этносы*, то ведущее значение отводится ценностям, традициям и обычаям. Именно они разделяют "сильнее всего", по мнению 44,8% опрошенных в подгруппе местные "европейцы" и 39,7% - в подгруппе "европейцы"-мигранты; 31,4% - в подгруппе местные "кавказцы" и 54,8% - мигранты-"кавказцы". Различия в национальном языке воспринимают как разделяющие признаки 55,8% местных "европейцев" и 58,2% мигрантов-"европейцев". Среди "кавказцев" (как мигрантов, так и местных) того же мнения придерживается меньше опрошенных - 42,9%. Они в меньшей степени по сравнению с "европейцами" акцентируют внимание и на разделяющем значении территории (20,0% местных и 25,4% мигрантов) у "кавказцев" и, соответственно, 34,3% и 30% - у "европейцев". Вполне объяснимыми представляются данные о низком разделяющем значении этнического статуса: в современном российском обществе на первый план все явственнее выходят не столько этностатусные, сколько социальные стратификационные различия.

Результаты исследования свидетельствуют о большей интенсивности и активности межэтнических контактов у представителей народов Кавказа и Средней Азии в сравнении с "европейцами". Если среди последних "постоянно и "часто" контактируют с другими национальностями 71,1% местных и 75,2% мигрантов, то среди "кавказцев" эти показатели составляют соответственно: 94,5% и 92,3% (см. табл. 1). Своеобразная открытость "кавказцев" для взаимодействия связана со спецификой их положения как этнического меньшинства, их иноэтничностью по отношению к основной социальной среде. Выбор партнера по контактам с другими этносами в этой ситуации объективно более вариативен и разнообразен. Возникает и реализуется множественность межэтнических связей. Однако эта необходимость не воспринимается как тягостная обязанность и неприятная неизбежность (см. табл. 2). Напротив, для представителей народов Северного Кавказа и Средней Азии, например, характерен высокий интерес к контактам и удовольствие от них. Для "европейцев" гораздо более свойственны контакты по необходимости. Можно предположить их большую эмоциональную избирательность и прагматичность при определении иноэтнических партнеров или же действительную вынужденность из-за отсутствия вариантов в каждом конкретном случае. Поведение мигрантов в ситуациях возникновения и поддержания социальных межэтнических контактов мало чем отличается от поведения местных жителей. Несколько заметнее тенденция к самоизоляции у мигрантов "кавказцев". Анализ мотивов, определяющих взаимодействия представителей разных этносов, складывающихся при этом социальных отношений обнаруживает явное преобладание модели поведения, ориентированной на конкретную ситуацию, в которой действия выстраиваются в зависимости от поступков партнера.

Величина показателей *отрицательного опыта* в межэтнических контактах заметно выше у мигрантов, особенно у "кавказцев", из которых 42,2% при опросе констатировали наличие такого опыта. У мигрантов-славян и других европейских народов указанный показатель составил

Таблица 1

Частота контактов с представителями других национальностей (в % к числу опрошенных)

Бывают ли у вас контакты с представителями других национальностей и как часто они случаются?	Славяне и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	местные	мигранты	местные	мигранты
Контактирую постоянно	41,1	36,9	52,8	56,9
Часто	30,0	38,3	41,7	35,4
Редко	21,7	18,8	5,6	4,6
Не контактирую совсем	5,6	3,4		3,1
Затрудняюсь ответить	1,7	2,7		

Таблица 2

Характер межнациональных контактов (в % к числу опрошенных)

Как бы вы описали характер	Славяне и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	местные	мигранты	местные	мигранты
Контактирую с удовольствием, проявляю большой интерес	28,7	30,8	75,0	61,5
Контактирую в случае необходимости	53,4	53,4	25,0	18,5
Стараюсь избежать таких контактов	5,7	2,1		4,6
При общении испытываю напряжение, дискомфорт	0,6	1,4		
Общаюсь с удовольствием, за исключением...	5,2	4,1		3,1
Затрудняюсь ответить	4,0	6,2		10,8
Нет ответа	2,3	2,1		1,5

34,9% опрошенных. Зато у местных жителей-"европейцев" он несколько выше в сравнении с местными "кавказцами": 29,8% против 25%. В исследовании обращалось особое внимание на негативный опыт межнационального общения потому, что именно он может свидетельствовать о возможности возникновения и обострения напряженности между различными этническими группами.

Конфликтность обнаруживается в определенных "парах" межнациональных взаимосвязей (см. табл. 3): у местных "европейцев" с армянами (78,1% респондентов отметили отрицательный опыт контактов с представителями этого этноса), с адыгейцами (15,6%), с греками (6,3%). У мигрантов-"европейцев" были случаи негативных отношений с армянами (45,8%), адыгейцами (41,7%), русскими (8,3%), украинцами (4,2%). Судя по таблице, у местных "кавказцев" конфликтный опыт связан исключительно с русскими, в то время как у мигрантов-"кавказцев" помимо неприятных столкновений с русскими, были также конфликты с армянами и греками.

Переживание конфликтных ситуаций вызывает у респондентов самые разнообразные чувства, но явных доминант среди них не обнаруживается. Несколько большие значения имеют показатели, связанные с чувствами вражды и злобы. Они обнаружались у всех групп опрошенных, но у "кавказцев" просматриваются более явно. У них же проявилось большее желание отомстить. Так, в ответах на вопрос "Какова была Ваша реакция на конфликтную ситуацию?" - доли респондентов, заявивших, что в таких ситуациях "нужно отвечать тем же", распределились следующим образом: местные "европейцы" - 15,9%, мигранты - 11,5%; местные "кавказцы" - 21,2%, мигранты - 13,3%. Намерения использовать отсроченное действие по принципу "затаить злобу" выразили в большей степени "кавказцы"-мигранты, а для мигрантов-"европейцев" более свойственна подавленность реакций из-за ощущения бессилия перед конкретными людьми и обстоятельствами.

Участники межэтнических конфликтов (в % к числу опрошенных)

Этносы, с которыми имелся отрицательный опыт контакта	Языки и представители других европейских народов		Представители народов Кавказа и Средней Азии	
	местные	мигранты	местные	мигранты
Адыгейцы (адыги)	15,6	41,7	100,0	26,7
Армяне	78,1	45,8		6,7
Греки	6,3	8,3		66,7
Русские		4,2		
Украинцы				

Характерно, что мотивация агрессивных действий в отношении представителей других этнических групп подавляющим большинством респондентов предполагается, исходя из оборонительных целей. В ответах на вопрос "Считаете ли Вы для себя возможными агрессивные действия в отношении представителя другой национальности и в каких случаях?" - отмечалось, прежде всего, что такие действия могут быть предприняты в случае возникновения угрозы жизни самого респондента, либо членов его семьи, близких и друзей. В анализируемых группах ответы распределились следующим образом: признают возможность совершить агрессивные действия по указанным мотивам 75,6% местных "европейцев" и 68,5% "европейцев"-мигрантов; 83,3% местных из представителей народов Кавказа и Средней Азии и 73,8% мигрантов. В меньшей степени проявляется готовность вступить просто за соплеменника, а также отвечать агрессией в тех случаях, когда имеет место оскорбительное поведение другой стороны. Значительная часть респондентов считает, что агрессивная реакция "может иметь место, но от национальной принадлежности другого человека это не зависит" - 23,3% местных "европейцев" и 29,5% мигрантов, а также, соответственно: 33,3% и 24,6% представителей народов Кавказа и Средней Азии.

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что в социальной общности изучаемого нами региона существуют определенные межэтнические конфликтогенные основания, накоплен потенциал *интолерантности* в отношениях местного населения к иноэтничным мигрантам, особенно к определенным этническим группам. Исследование позволяет существенно конкретизировать проявления, интенсивность, содержание и формы интолерантного поведения. Оно имеет достаточно выраженные этнические особенности при наличии общего знаменателя - повышенного уровня тревожности местного населения в связи с наплывом этнических мигрантов. Вместе с тем, факты свидетельствуют: интолерантность как свойство социальных взаимодействий и отношений между местным населением и мигрантами не содержит высокого потенциала агрессивности и продуцируется, прежде всего, трудностями и проблемами, возникающими в процессе узнавания и определения новых ситуаций взаимодействия со стороны местных жителей.

Все это подтверждает необходимость научно-экспериментального анализа степени толерантности отношений между этническими мигрантами и принимающей средой, дающего возможность на основе его результатов: разрабатывать положения и меры региональной социальной политики целевого и адресного характера по отношению к конкретным группам этнических мигрантов: диагностировать ситуации межличностного взаимодействия мигрантов с населением и представителями властей, прогнозировать обстановку в локальных местах проживания мигрантов; вести мониторинг социальной адаптации мигрантов и восприятия их в принимающей среде; оказывать оперативное, конкретное и предметное содействие в принятии индивидуальных поведенческих и управленческих решений на различных уровнях социальной организации, способствующих оптимизации процессов социальной адаптации этнических мигрантов и стабилизации межэтнических отношений в местах их проживания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панарин С. Центральная Азия: этническая миграция и полиэтнические субъекты воздействия на миграционную ситуацию // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М, 1998. С. 10.

2. *Крицкий Е., Савва М.* Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М., 1998. С. 15.
3. *Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И.* Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры. Краснодар, 2002. С. 42-43.
4. *Ракачев В.Н.* Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989-1999 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 51.
5. См.: Социальная идентификация личности (под ред. В. Ядова). Вып. 1. М.: ИС РАН, 1993; Вып. 2 в 2-х кн. М.: ИС РАН, 1994; *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности (Методологические проблемы социальной психологии). М.: Наука, 1997; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (под ред. В.А. Ядова). Гл. III. Диспозиционная структура. Л.: Наука, 1979.
6. См.: *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 181-185, 189-193.
7. См.: *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. М., 1996. С. 89, 91, 150.
8. См.: М. Энциклопедия психологических тестов. М., 1999. С. 43.
9. См.: *Платонов Ю.П.* Этническая психология. СПб., 2001. С. 257.
10. *Олпорт Г.* Личность в психологии. М.: "Ювента", СПб, 1998. С. 108.
11. О смыслах понятия толерантность // Век толерантности. 2001. № 1. С. 7-8.
12. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д.* Тренинг "Учимся толерантности" // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 181.